

В. Д. Курганская¹**ДИСКУРС ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ
В КОНЦЕПЦИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ**

До недавнего времени общепринятым являлось представление, согласно которому концепция прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека является универсальной формой реализации гуманистической сущности и нормативно-регулятивных функций права, основой законотворческой деятельности международных организаций и критерием легитимности национальных законодательств. Но в последнее время все более влиятельной становится противоположная тенденция, направленная на дискредитацию политической идеологии и критику философских предпосылок, заложенных в основание концепции прав человека классическим либерализмом.

Доктрине прав и свобод человека в Конституции Республики Казахстан (п. 2 ст. 12) придан статус основополагающего принципа законодательства: «Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов»². Эта статья Конституции РК воспроизводит стандартную, принятую в документах ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций конструктивную схему разработки нормативного комплекса конституционного права демократических государств. Однако анализ этой схемы показывает ее логико-семантическую противоречивость, что ставит ряд серьезных, но не всегда верно понимаемых и корректно разрешаемых проблем перед законодательной и законоприменительной практиками.

В основополагающих международно-правовых документах, раскрывающих смысл прав человека и регламентирующих нормы их законодательного обеспечения, утверждается, что основные права и свободы человека носят универсальный, неделимый, взаимозависимый и взаимосвязанный характер. Но собственное понимание прав и свобод у представителей различных

культур и цивилизаций различно, и это многообразие не интегрируется на основе пусть и наиболее развитого, «продвинутого», но не универсального правосознания западноевропейского типа. В связи с этим ряд стран (в том числе Китай, Колумбия, Куба, Индонезия, Иран, Малайзия, Мексика, Пакистан, Сингапур, Вьетнам, Йемен) предлагают переопределить содержание понятия «права человека», усматривая в существующей дефиниции «идеологическую вотчину западной цивилизации»³, поскольку Всеобщая декларация прав человека 1948 года отражает западные ценности, а не их собственные.

Свою модель имплементации ценностей локальных культур в дискурс и праксис прав человека предлагает правовой мультикультурализм. «Мультикультурализм в области права утверждает, что <...> каждая культурная группа имеет (должна иметь) свою систему правовых норм и руководствуется только ею»⁴. Таким образом, правовым мультикультурализмом в правах и свободах человека легитимируются неассоциированные ценности культурного многообразия, которые могли бы послужить национально-государственной и международно-правовой основой для создания свободной коалиции народов и культур, а проводится идеология консервации и капсулирования культурных общин, их самоизоляции и геттоизации.

Идеология и политика правового мультикультурализма являются логическим выводом из установок постмодернистской философии на плюрализм мнений, на идею множественности вне единства, вне каких-либо тотализующих ценностей, на ризоморфность, приоритет различия перед единством. Аналогичные установки разделяют сторонники концепции радикальной демократии.

Концепция диалогического отношения контингентных универсальностей обосновывает стремление к радикальному плюрализму, который отвергает абсолютный синтез, неразрывно связанный с репрессивными дискурсами власти, и сохраняет критическую силу инаковости. С этих позиций концепцию прав человека следует воспринимать как обусловленную конкретными культурными и политико-историческими контекстами. Иными словами, универсальность прав человека — это *партикулярная универсальность*. Д. Батлер подчер-

¹ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. 25 монографий: «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан» (в соавт.), «Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.) и др. Член редколлегии журнала «Идеи», председатель редакционного совета международного научного журнала Global Scienc Communications. Награждена медалями «За заслуги в развитии науки», «20 лет независимости Республики Казахстан».

² Конституция Республики Казахстан. URL: <http://www.parlam.kz/ru/constitution>

³ Cerna Ch. M. Universality of Human Rights and Cultural Diversity: Implementation of Human Rights in Different Socio-Cultural Contexts // Human Rights Quarterly. 1994. Vol. 16, № 4 (Nov.). P. 740.

⁴ Честнов И. Л. Правовой мультикультурализм в контексте мирового культурного развития // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 525.

квивает открытость, незавершенность универсальности и рассматривает задачу демократической «контргегемонистской» политики в сохранении универсальности как места перманентного кризиса, не имеющего окончательных форм разрешения. Тем самым концепция культурного трансфера «обеспечивает средства для радикальной демократической практики в области прав человека»¹.

Как же на практике реализуется эта контргегемонистская, радикально плюралистическая политика в области прав человека? В соответствии с концепцией Д. Батлер, понятие универсальности должно быть раскрыто для своей трансформации в сторону радикального плюрализма на основе его конститутивной альтернативности путем постоянного утверждения конкурирующих универсалий, которые бросают вызов доминирующим и находятся с ними в отношении неразрешимого конфликта. Такого рода контргегемонистскую трансформацию традиционная консенсусная концепция прав человека претерпевает, например, через включение в нее прав «лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ)»². Другим примером такого расширения и углубления традиционной либеральной концепции прав человека могут служить права мигрантов.

Предложенный Э. Лакло и Ч. Муфф проект радикальной демократии направлен на трансформацию общественных отношений посредством расширения и углубления сферы компетенции таких либеральных демократических принципов, как свобода и равенство, в соответствии с логикой радикального плюрализма. В этом проекте демократическая политика рассматривается как «стремление к полной, всеохватывающей и идеальной демократии»³. Соответственно в концепции радикальной демократии как агонистической системы права человека должны рассматриваться как незавершенный проект, полная реализация которого остается вне досягаемости.

Как утверждает Сэмюэль Чемберс, следуя концепции радикальной демократии Эрнесто Лакло, мы

должны мыслить о правах человека в радикальных демократических терминах как о «призрачных правах», концептуализировать права человека через «логику призрака»⁴. Концептуализация ценностей прав человека возможна, если принимать их как ценности, которые никогда не могут быть полностью реализованы или достигнуты, поскольку такой результат приведет к утрате их *raison d'être* (смысла существования, разумного основания).

Адриан Литтл отмечает, что в последние годы радикальная демократия стала знаковой перспективой в современной политической теории. Радикальная демократия включает многочисленные теоретические аргументы и интерпретации демократии, что можно наблюдать в работах ряда теоретиков, оказавших значительное влияние на разработку концепции радикальной демократической политики, таких как Уильям Коннолли, Джудит Батлер и Венди Браун. Хотя эти теоретики соглашались с тем, что существуют серьезные проблемы в доминирующих либеральных концепциях демократии, они не связывают «конститутивный провал» демократии с отказом от критического пересмотра таких канонических принципов современной демократии, как народный суверенитет, голосование, представительство и верховенство права. А. Литтл призывает признать, что для радикальной демократии эти принципы не являются священными⁵.

В конституционном закреплении принципов прав и свобод человека юридически оформляется концептуальное содержание определенного круга философско-антропологических и социально-философских идей, определенной мировоззренческой парадигмы. Антиуниверсализм (война с тотальностью, любой нормативностью, политика различий и т. д.) как установка постмодернистского социального дискурса на культурную фрагментацию ведет не столько к критическому пересмотру просветительской концепции прав человека, сколько к демонтажу правового поля мультикультурного социума.

¹ *McNeilly K.* After the Critique of Rights: For a Radical Democratic Theory and Practice of Human Rights // *Law and Critique*. 2016. Vol. 27, № 3. P. 14.

² *Ibid.* P. 15.

³ *Ibid.* P. 10.

⁴ *Chambers S.* Ghostly rights // *Cultural Critique*. 2003. Vol. 54. P. 163.

⁵ *Little A.* Democratic Melancholy: On the Sacrosanct Place of Democracy in Radical Democratic Theory // *Political Studies*. 2010. Vol. 58, is. 5. P. 971.